

Развод.
Я БОЛЬШЕ НЕ ТВОЯ
СЕМЬЯ

Лира Ветрова

Ли́ра Ветро́ва

Развод. Я больше не твоя семья

<https://litres.ru/74422987>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тринадцать лет муж просил меня об одном. Потерпеть. Когда его мать приходила в наш дом без звонка. Когда решала, как мне воспитывать детей. Когда рылась в моих вещах, командовала на моей кухне и объясняла собственной внучке, что её мама живёт на папины деньги. Я терпела. Потому что любила Германа. Потому что у нас двое детей. Потому что он каждый раз обнимал меня после очередной ссоры и говорил, что я его семья. А потом его мать унизила нашу дочь. Я выставила её за дверь и забрала ключ от дома. Вечером Герман положил на кухонный стол запасной ключ и велел мне вернуть его матери, даже не спросив, что произошло.

— Хватит устраивать войну в доме моей семьи! — сорвался он.

И тогда из коридора вышла наша одиннадцатилетняя дочь. Заплаканная. Бледная.

— Пап а мы с мамой тогда кто?

Мы собрали вещи и ушли. Герман был уверен, что через неделю я вернусь. Через несколько недель он получил первые документы от моего адвоката.

Ли́ра Ветро́ва
Развод. Я больше
не твоя семья

Глава 1

РАЗВОД. Я БОЛЬШЕ НЕ ТВОЯ СЕМЬЯ

Ли́ра Ветро́ва

16+

Аннотация

Тринадцать лет муж просил меня об одном. Потерпеть. Когда его мать приходила в наш дом без звонка. Когда решала, как мне воспитывать детей. Когда рылась в моих вещах, командовала на моей кухне и объясняла собственной внучке, что её мама живёт на папины деньги. Я терпела. Потому что любила Германа. Потому что у нас двое детей. Потому что он каждый раз обнимал меня после очередной ссоры и говорил, что я его семья. А потом его мать унизила нашу дочь. Я выставила её за дверь и забрала ключ от дома. Вечером Герман положил на кухонный стол запасной ключ и велел мне вернуть его матери, даже не спросив, что произошло.

— Хватит устраивать войну в доме моей семьи! — сорвался он.

И тогда из коридора вышла наша одиннадцатилетняя дочь. Заплаканная. Бледная.

— Пап... а мы с мамой тогда кто?

На следующий день я забрала детей и ушла. Герман был уверен, что через неделю я вернусь. Через несколько недель он получил первые документы от моего адвоката. И только тогда мужчина, который тринадцать лет просил меня потерпеть, понял, что однажды терпение заканчивается. Даже у женщины, которая всё ещё его любит.

Глава 1

В тот день моя свекровь сказала нашей одиннадцатилетней дочери, что её мать никто без денег отца. А вечером мой муж положил на кухонный стол запасной ключ и велел вернуть его своей маме. Наверное, именно тогда я окончательно поняла, что тринадцать лет терпения закончились. Не после очередной колкости Людмилы Аркадьевны, не после её привычки входить в наш дом без звонка, не после бесконечных советов, как мне воспитывать собственных детей. Всё умерло гораздо тише. Я посмотрела на ключ, потом на мужчину, которого любила больше половины взрослой жизни, и поняла, что Герман даже не спросил, почему утром я забрала этот ключ у его матери.

Утро начиналось обычно. Я стояла у плиты в домашних брюках и старой футболке Германа, жарила Лёше сырники, второй рукой листала сообщения в родительском чате и пыталась вспомнить, положила ли Кире в рюкзак согласие на экскурсию. Кира сидела за столом с влажными после душа волосами, сонно ела йогурт и переписывалась с подругой. Лёша ползал под столом, потому что умудрился закатить туда маленький синий джип и теперь обвинял в случившемся кота. На кухне пахло ванилью, кофе и подгоревшим краем первого сырника. За окном моросил осенний дождь. Герман уехал ещё в семь, поцеловал меня в висок, крикнул детям,

чтобы не опоздали, и обещал вернуться к ужину. Обычная семья. Обычный будний день. До того момента, пока в прихожей не щёлкнул замок.

Я даже не повернула голову. Мне не требовалось смотреть, чтобы понять, кто вошёл. Людмила Аркадьевна пользовалась своим ключом так уверенно, что давно перестала считать нужным хотя бы звонить в дверь. Семь лет назад, когда мы переехали в дом, я сама дала ей запасную связку. На случай болезни детей, аварии, поездки, любой настоящей необходимости. Через месяц необходимость начала возникать несколько раз в неделю. Она приносила суп, который никто не просил. Покупала Лёше вещи на два размера больше. Заходила проверить, не забыла ли я закрыть окно. Могла обнаружиться у нас в воскресенье в девять утра с пакетом яблок и искренним удивлением, почему семья ещё спит. Первые годы я спорила. Потом устала. Герман каждый раз морщился, обнимал меня и просил не раздувать конфликт.

— Тась, потерпи. Она одна меня вырастила, характер уже не изменишь, — говорил он, и я терпела.

Людмила Аркадьевна вошла на кухню в бежевом пальто и мокрых сапогах. На светлом полу остались грязные следы. Она окинула взглядом детей, плиту, тарелки, мой хвост на затылке и вздохнула с тем особым выражением, после которого мне обычно хотелось уйти в ванную и досчитать до десяти. Сначала она сообщила, что верхний замок опять закрыт неправильно, хотя дверь она открыла ключом сама. По-

том заметила пятно зубной пасты на спортивных штанах Лёши и спросила, почему мальчик ходит по дому неряхой. Я ответила, что через двадцать минут он переоденется в школьную форму. Она поправила ему футболку, пригладила волосы и напомнила, что Герман в шесть лет никогда не ходил грязным. Лёша недовольно покосился на меня, но промолчал. Он уже научился пережидать бабушкино внимание.

Кира пережидать не умела. Она фыркнула в чашку, когда бабушка в третий раз вспомнила идеальное детство Германа, и этого хватило. Людмила Аркадьевна потребовала убрать телефон и смотреть на взрослого, когда с ней разговаривают. Кира резко положила мобильник на стол. По её лицу я видела, что ещё несколько замечаний закончатся ссорой. Последние месяцы дочь всё чаще огрызалась бабушке, потом закрывалась у себя и плакала. Я говорила с ней, объясняла, что отвечать грубостью на грубость нельзя, но где-то глубоко сама понимала: Кира делает то, на что у меня годами не хватало смелости. Она защищает собственные границы.

Чашка разбилась случайно. Кира поднялась, чтобы отнести тарелку в мойку, задела кружку локтем, и белая керамика разлетелась по плитке. Дочь испуганно посмотрела на меня. Я уже потянулась за веником и сказала не трогать осколки руками. Ничего страшного не произошло. Чашка стояла несколько сотен рублей, дома оставалось ещё четыре из того же набора. Но Людмила Аркадьевна увидела в разбитой посуде подтверждение всех собственных претензий к нашему

воспитанию. Она начала говорить о небрежности, деньгах, избалованных детях, которые не умеют ценить вещи, потому что отец всегда купит новые. Кира попыталась объяснить, что случайно задела чашку. Свекровь потребовала не повышать голос.

Я до сих пор помню, как дочь в ту минуту прижала руки к животу. У неё всегда так было с детства: когда Кира из всех сил старалась не заплакать, она старалась обнять себя руками. Я увидела это движение и вмешалась. Сказала Людмиле Аркадьевне, что разговор окончен, чашку мы переживём, а дети должны собираться в школу. Надеялась, что этого хватит. Ей редко хватало.

— В этом и проблема, Таисия, — произнесла она, медленно поворачиваясь ко мне. — Для тебя всё легко. Разбили — купим. Потеряли — купим. Герман заработает.

Я выключила плиту. В комнате стало неожиданно тихо, хотя вытяжка продолжала гудеть, а Лёша шуршал салфеткой, вытирая варенье с пальцев. Свекровь продолжила. Сказала, что Герман работает с утра до ночи, а дети не понимают цену деньгам. Что Кира второй телефон за год разбила, куртку недавно порвала, теперь ещё посуда. Я напонила, что телефон разбился в школе, когда дочь толкнули, а куртку она порвала, перелезая через забор за мячом брата. Людмила Аркадьевна отмахнулась. Ей были не нужны факты. Ей требовалось доказать, что без её контроля семья её сына разваливается.

Кира вспыхнула и неожиданно сказала, что мама занимается ими больше всех. Не громко, но зло. Свекровь обернулась к ней, потребовала не вмешиваться в разговор взрослых и извиниться за тон. Дочь отказалась. Я увидела, как конфликт набирает скорость, и велела Кире подняться наверх, умыться и переодеться. Лёшу отправила за ней. Я хотела оставить детей за пределами этой ссоры, но не успела.

— Вся в мать, — бросила Людмила Аркадьевна вслед Кире. — Такая же неблагодарная.

Дочь остановилась на нижней ступеньке. Я тоже застыла. До этой минуты мне ещё удавалось удерживать раздражение в привычных рамках, но теперь в груди стало жарко. Я спросила, что именно она имеет в виду. Свекровь пожала плечами и объяснила. Спокойно. Без крика. От этого её слова прозвучали ещё грязнее. Кира должна понимать, кто обеспечивает её школу, одежду, поездки, дом и всю красивую жизнь. Герман. Отец. А мать живёт вместе с детьми благодаря ему.

Кира обернулась, и я увидела мокрые дорожки на её щеках. Она уже не пыталась спорить с бабушкой, только искала глазами меня, как если бы ждала подтверждения, что услышанное неправда.

— А мама ничего не делает? — спросила она, и голос дрогнул.

Мне хотелось остановить этот разговор, закрыть дочери уши, вытолкнуть Людмилу Аркадьевну из дома раньше, чем прозвучит ещё хоть одно слово. Но свекровь ответила быст-

рее. Сказала, что ничего постыдного нет в том, что женщина живёт за счёт мужа, только делать вид, что всё это досталось само, тоже не нужно. И тогда перед глазами у меня всплыло разом: наша первая съёмная квартира, где мы с Германом считали деньги до зарплаты; мои ночные проекты, пока его бизнес едва держался; беременность Лёшей, во время которой я ездила на стройку этого дома и спорила с прорабами; годы с двумя детьми, больницами, школой, кружками, бытом, его командировками. Я оставила постоянную работу не потому, что мечтала быть содержанкой.

Герман сам просил меня быть больше дома, потому что его бизнес рос и кто-то должен был держать нашу жизнь на плечах. Но даже это в ту минуту оказалось не главным. Главным было лицо Киры.

Я поставила Лёшу на пол и попросила обоих детей подняться наверх. Потом подошла к свекрови и протянула руку. — Ключи отдайте, пожалуйста, — произнесла я, чувствуя, как от ярости начинают пульсировать виски. — От дома.

Людмила Аркадьевна сначала даже не поняла. Потом рассмееялась, решив, что я угрожаю на эмоциях. Напомнила, что это дом её сына. Я повторила просьбу. Уже без «пожалуйста». Она отказалась. Тогда я сказала, что сегодня же вызову мастера и поменяю замки. Вот после этого улыбка исчезла. Свекровь достала связку из сумки, но продолжала держать в руке. Между нами впервые за тринадцать лет не осталось Германа, которого можно было дождаться вечером и попро-

силь рассудить двух женщин. Я не собиралась ждать.

— Вы больше не входите сюда без приглашения. Не забираете детей, не переставляете вещи, не проверяете холодильник и не объясняете моей дочери, чего стоит её мать, — сказала я. Голос у меня дрожал, но мне было всё равно. — Хотите прийти к внукам, звоните. Как остальные люди.

— Остальные люди? — переспросила она, резко выпрямившись. — Я бабушка этих детей! Я мать хозяина этого дома!

— А я его жена. И я здесь живу.

Она посмотрела на меня с такой ненавистью, что я впервые увидела главное. Все эти годы Людмила Аркадьевна не считала наш дом по-настоящему моим. Я была женщиной её сына. Матерью его детей. Человеком, которого Герман почему-то выбрал и которому пока позволено здесь находиться. Наверное, я чувствовала это давно, только боялась назвать.

Ключ я забрала сама. Не вырывала связку из рук, не дралась. Она держала её, я сняла нужный ключ с кольца и положила остальные ей в ладонь. Людмила Аркадьевна сказала, что вечером Герман вернёт ей доступ в дом. Я ответила, что тогда вечером поговорю с мужем. Она ушла, обещав, что я пожалею о сегодняшнем спектакле. Я закрыла дверь на замок и несколько секунд стояла в прихожей, прислонившись к ней спиной. Колени дрожали. Мне хотелось плакать, но сверху донёсся тихий голос Киры.

Дети сидели на лестнице и всё слышали. Кира обнимала

колени, Лёша устроился ступенькой выше и прижимался к сестре плечом. Я опустилась к ним. Дочь бросилась ко мне, обхватила за шею и разревелась уже без попытки держаться. Я гладила её по мокрым волосам, целовала в макушку, убеждала, что она ни в чём не виновата. Потом Кира отстранилась и задала вопрос, от которого у меня разболелось уже не сердце, а всё тело.

— Мам, ты же правда не никто?

Я смотрела на своего ребёнка и понимала, что позволяла этой войне идти слишком долго. Я думала, что, проглатывая колкости свекрови, сохраняю мир в семье. Оказалось, дети смотрели и учились. Учились тому, что маму можно унижать, если бабушка старше. Что папе легче попросить жену потерпеть, чем остановить собственную мать. Что деньги мужчины почему-то делают женский труд невидимым.

Я сказала Кире, что никогда нельзя измерять цену человека чужими деньгами. Даже если так говорит родной человек. Потом мы кое-как собрались. Я развезла детей, вернулась домой, вымыла пол после мокрых сапог Людмилы Аркадьевны, выбросила остывшие сырники и собрала осколки чашки. Весь день телефон молчал. Герман не звонил. Это означало только одно: мать уже поговорила с ним, а он решил дождаться вечера. Я знала мужа. Он не любил выяснять семейные отношения по телефону. Приедет, снимет пальто, умоется, поест и предложит всем успокоиться.

К восьми я уже накрыла ужин. Дети были наверху. Кира

делала уроки, Лёша собирал конструктор. Когда во дворе загорелись фары машины Германа, у меня похолодели руки. Не потому, что я боялась мужа. Я боялась услышать знакомое «потерпи» и наконец понять, что больше не могу.

Герман вошёл на кухню усталый, в чёрной рубашке с растёгнутым воротом. На висках после дождя блестела влага, лицо было жёстким. Красивый, родной, до боли знакомый мужчина. Тринадцать лет я знала, как он двигается, когда раздражён, как бросает телефон на стол после плохого совещания, как сначала молчит, а потом говорит коротко и резко. Я любила его всё ещё. Вот что было страшнее самой ссоры. Если бы любовь исчезла утром вместе с ключом свекрови, вечер прошёл бы намного легче.

Он не поцеловал меня. Не спросил, как дети. Снял с брелока запасной ключ, положил на стол между нами и сказал: — Завтра отдашь маме. Я не хочу, чтобы это продолжалось.

Несколько секунд я смотрела на металлический ключ. Потом подняла глаза на мужа и спросила, хочет ли он сначала узнать мою версию. Герман устало потёр лицо и ответил, что мама уже всё рассказала. Она рыдала несколько часов, ей стало плохо с давлением, а я выгнала её из дома и забрала ключ. Я повторила вопрос. Не что рассказала Людмила Аркадьевна. Хочет ли он услышать меня.

Он сел за стол и наконец позволил мне рассказать. Я пересказала утро без украшений. Про чашку. Про Киру. Про

слова о деньгах. Про то, как его мать сказала нашей дочери, что я живу здесь благодаря мужу. На этом месте Герман нахмурился. Я увидела, что ему неприятно. На короткий миг даже появилась надежда.

— Так говорить Кире она не имела права, — рассерженно произнёс он. — Я с ней поговорю. Но ключ ты всё равно вернёшь, Тась. Не надо делать из этого войну.

И надежда умерла. Я медленно выключила конфорку, хотя суп уже давно был готов. Мне требовалось движение, иначе я могла сорваться на крик слишком рано. Я спросила, почему ключ должен остаться у женщины, которая входит в наш дом без разрешения. Герман ответил, что она его мать, что живёт рядом, помогает с детьми и никогда не сделает ничего плохого. Я напредила, что сегодня она уже сделала. Он повторил, что поговорит. Я спросила, почему его разговор с матерью каждый раз оплачивается моим терпением.

С этого места мы уже не разговаривали спокойно. Не было красивого обмена остроумными фразами. Я ходила от стола к окну, возвращалась, вспоминала один случай за другим. Как Людмила Аркадьевна без спроса выбросила моё платье, потому что считала его вульгарным. Как записала Лёшу в секцию, хотя я уже выбрала другую. Как переделала детскую Киры во время нашего отпуска. Как звонила Герману жаловаться, что я плохо кормлю детей, если находила в холодильнике заказную пиццу. Как врывалась в спальню утром, потому что ей срочно требовался какой-то документ. Каждый

раз Герман просил меня не раздувать.

Он тоже сорвался. Сказал, что работает, содержит семью, занимается детьми, никогда мне ни в чём не отказывал и устал слышать, что он плохой муж только потому, что не готов выгнать мать из собственной жизни. Вот тут я уже кричала. Потому что никогда не просила его выгонять мать. Я просила один раз провести черту. Сказать, где заканчивается его материнская семья и начинается наша.

— Ты заставляешь меня выбирать между вами! — рявкнул Герман, ударив ладонью по столешнице. — Она одна меня вырастила! После смерти отца пахала на двух работах, себе во всём отказывала! Я не могу теперь вышвырнуть её за дверь, потому что вы друг друга терпеть не можете!

Я смотрела на него и чувствовала, как дрожь поднимается от коленей выше. Тринадцать лет я знала эту историю. Знала, сколько Людмила Аркадьевна сделала для сына. Уважала её за это. Помогала ей, ездила в больницы, отмечала дни рождения, принимала в доме. Но почему долг Германа перед собственной матерью должен был всю жизнь выплачивать мой брак?

— Я никогда не заставляла тебя выбирать, — сказала я уже тише. — Потому что я твоя жена, а она твоя мать. Мы не соперницы. У нас разные места в твоей жизни. Только ты столько лет ставил её на моё, что сам перестал видеть разницу.

Герман отвернулся, прошёл к окну, вернулся. Он тоже

был на грани. Я знала его достаточно, чтобы видеть: сейчас ему больно, он злится, он не понимает, как разговор о ключе превратился в суд над всем браком. И именно это было страшнее всего. Для него всё происходящее действительно оставалось конфликтом вокруг одного ключа. Для меня за этим ключом стояли тринадцать лет.

— Я устал от этой войны, Тая, — бросил он. — Хватит уже устраивать её в доме моей семьи!

После этих слов стало тихо. Герман замер первым. Он услышал себя. Я увидела, как изменилось его лицо, но ничего исправить он уже не мог. Из коридора донёсся шорох. Мы оба повернули головы.

Кира стояла в дверях кухни. Босая, в длинной домашней футболке, с заплаканным лицом. Видимо, она спустилась давно и слышала больше, чем мне хотелось. Дочь смотрела только на Германа. Нижняя губа дрожала, но она заставила себя заговорить.

— Пап... а мы с мамой тогда кто? — спросила Кира, вытирая щёку ладонью. — Если твоя семья там, с бабушкой... мы кто тебе?

Герман побледнел так резко, что я испугалась за него. Он открыл рот, сделал шаг к дочери, н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.